

Порыв холодного ветра скользнул меж ними, и воздух застыл в напряжённой тишине.

Ли Чуань на мгновение даже растерялся, словно не поверил собственным ушам. Он переспросил, хрипло выдыхая:

— Что ты сказал?

— Я сказал... — Цзянь Нань спокойно посмотрел на него. Ни давления, ни угрозы — лишь тихий голос, будто произносящий очевидное: — Давай пойдём и оформим развод.

Перед ним стоял совсем не угрожающий юноша, он не пытался давить, не срывался на крик. Но Ли Чуаню вдруг показалось, что леденеет всё тело — даже несмотря на летний зной.

Он говорил медленно, по одному слову, будто опасаясь расплескать что-то внутри:

— Цзянь Нань... ты понимаешь, что говоришь?

Тот искренне удивился:

— Ну, взять свидетельство о разводе. Мы же подписали соглашение, но сами документы не получили. У меня, если честно, опыта в таких делах нет. Потом мама сказала, что так нельзя оставлять. Я, собственно, и хотел сразу по возвращению найти тебя, чтобы всё оформить... просто случая подходящего не подворачивалось.

Ветер вновь пробежал по двору, и вода в бассейне внизу заиграла серебристыми бликами.

Ли Чуань опёрся плечом о перила, опустил голову — выражения его лица было не разобрать, но от него исходило отчётливое, тяжёлое напряжение.

— И ты решил, что сегодня — подходящий случай?

— ...

Цзянь Нань прикусил губу.

— Разве... нет?

Ли Чуань криво усмехнулся — холодно, устало, почти безжизненно:

— Сегодня у меня День рождения.

Что это должно было значить?

Цзянь Нань в замешательстве моргнул — будто внезапно потерял нить.

Вообще-то, инициатором развода был сам Ли Чуань. Значит, если оформить документы, он должен быть скорее рад, верно?

Сказать об этом на Дне рождения — вроде бы тоже ничего особенного...

Или... он считает, что Нань слишком поздно поднял этот разговор? Это похоже на правду.

— Возможно, я действительно должен был сказать раньше. Не сердитесь. — Он ненадолго задумался и улыбнулся мягко, почти примиряюще: — Поздновато — да. Но, в конце концов, мы

же всё равно успеваем.

Ли Чуань молчал долго, мучительно. Потом спросил:

— Ты окончательно решил?

Цзянь Нань кивнул.

— Я долго думал... Тогда, после того фуршета... Это была моя вина. Больше подобного не повторится.

Эти слова — словно извинение, будто вынужденная повинная — почему-то вызывали у Ли Чуаня раздражение, вязкое и необъяснимое.

Цзянь Нань опустил взгляд и достал из кармана маленькую красную коробочку.

— И ещё... я только недавно вспомнил об этом. Всё это время носил её с собой. Чуть не забыл вернуть.

— Что это? — спросил Ли Чуань, не поднимая глаз.

Цзянь Нань раскрыл коробочку.

— Это ожерелье. Его дал мне дедушка. Я не знаю, передаётся ли оно у вас в семье будущей невестке... В общем, это твоё. Возвращаю.

Тогда, много лет назад, они поженились, потому что дедушке Ли Чуаня становилось всё хуже. С детства тот старик обожал Ли Чуаня — и точно так же, безусловно, обожал Цзянь Наня.

Каждый раз, когда Нань приходил в гости, дедушка неизменно радостно звал:

«Нань-Нань, иди скорее, я приготовил твоё любимое!»

Старик Ли готовил восхитительно, был невероятно добрым и мягким человеком. Когда ему поставили диагноз — рак, — гром прогремел не только для Ли Чуаня. Мир рухнул и для Цзянь Наня.

Дедушка ещё в их детстве частенько шутил:

«Нань-Нань, хочешь потом выйти за Чуань-Чуаня замуж, а?»

Хочет.

Он тогда действительно хотел.

После диагноза старик всё твердил:

«Вы должны быть вместе... Хорошо живите, слышите? Хорошо живите.»

Полжизни трудов, а под конец — всё те же тревоги за двух мальчишек, которых вырастил как родных.

Позже Ли Чуань сказал ему:

«У дедушки осталось совсем мало времени. Хочешь... заключим фиктивный брак? Мы не будем вмешиваться в жизнь друг друга. Он всю жизнь об этом мечтал — не может спокойно уйти.»

Цзянь Нань почти не раздумывал. Юный, горячий, наивный — ему казалось, брак и есть брак. Он любил Ли Чуаня, а если Ли Чуань пока не любит его — ничего. После свадьбы он обязательно сумеет растопить его сердце.

В день помолвки дедушка был безмерно счастлив. Он передал Наню это ожерелье:

«Оберег. Чтобы всё было тихо и спокойно. Нань-Нань, только не снимай, слышишь?»

И с того дня Цзянь Нань носил его постоянно.

Но сейчас... всё должно вернуться к своему настоящему хозяину.

Ли Чуань смотрел на ожерелье в его руке. Серебро мерцало в лунном свете — будто зло посмеивалось над ними.

Мужчина тихо сказал:

— Оставь.

Цзянь Нань не понял:

— Но я...

— Дедушка дал его тебе, — Ли Чуань потер переносицу, делая голос ровным. — Что с ним делать — решай сам.

Правда?

Цзянь Нань перевёл взгляд на ожерелье. На серебряном подвесе висел белёсый камень-луночка. Дедушка вынул его тогда из семейного сейфа — сразу было понятно, что вещь старинная, ценная. И он... должен просто оставить её себе?

Ладно. Пусть будет памятью.

Он уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но Ли Чуань сказал первым:

— Продолжай носить. На удачу. Ты такой... непоседа, вдруг ещё пригодится.

«...»

Ты сейчас меня проклинаешь, что ли?

Цзянь Нань хотел уже возмутиться, но вдруг вспомнил ту аварию... прежнюю жизнь... — пальцы сжались на холодном металле, и тот словно потеплел в ладони.

Он тихо сказал:

— Спасибо.

Время незаметно уходило. Летний вечер становился прохладным — ветерок приносил терпкий

запах воды и выстужал кожу. Разговаривать здесь вдвоём было почти мучительно.

Цзянь Нань потёр ладони и осторожно спросил:

— ... Тогда давай завтра сходим?

Ли Чуань ответил, даже не подумав:

— Завтра я занят.

«...Что?» — Цзянь Нань моргнул, сбитый с толку.

— Тогда... послезавтра?

— И послезавтра нет. — Ли Чуань чуть приподнял веко, бросив на него взгляд: — Тебе что, настолько нечем заняться?

«...»

Дело ведь вовсе не в том, есть ему чем заняться или нет.

Цзянь Нань сжал зубы, затем выдохнул и уступил:

— У меня, конечно, график свободнее, чем у тебя. Ладно. Тогда скажи... когда ты сможешь?

И в эту секунду сердце Ли Чуаня будто камнем опустилось на дно.

Всего несколько месяцев назад всё было наоборот: тогда именно Цзянь Нань говорил, что не хочет развода.

Теперь же будто произошло странное смещение — словно они поменялись ролями. Молчаливое противостояние, где ни один не желал проигрывать, и неясно было, чья же сторона перевешивает.

Спустя долгую паузу...

— Чуань, ты... не хочешь... — осторожно начал Цзянь Нань.

— Послезавтра, — резко перебил Ли Чуань.

— О. — Цзянь Нань кивнул. Ну вот, он так и думал — куда уж взяться нежеланию. — Тогда хорошо. Назначай время, я приеду.

— Мг.

Цзянь Нань вдруг почувствовал неловкость. Даже слегка абсурдно: раньше, когда у них всё было хорошо, они едва ли не жили бок о бок, не могли насладиться обществом друг друга. А теперь — боятся не к месту открыть рот.

— Тогда я пойду.

Он повернулся, сделал пару шагов — и остановился.

Ли Чуань заметил это движение, взгляд у него вспыхнул — будто он ждал, надеялся, что Нань что-то скажет.

Цзянь Нань обернулся, вдохнул поглубже... и очень серьёзно поклонился:

— Все эти годы... спасибо тебе за заботу.

Тишина легла между ними — тяжёлая, неподвижная.

Через несколько секунд Ли Чуань ответил:

— Это было правильно.

Свет на крыше был тусклым, ночь — мягкой, почти зыбкой. Когда Цзянь Нань выпрямился, глаза у него едва заметно поблёскивали — словно были влажными.

Он сказал тихо:

— Пожалуйста... поменьше пей. Я пошёл.

Вдали гремела вечеринка.

Доносились голоса, шёпот смехов, взрывки музыки. Фейерверки расцвечивали небо.

А Ли Чуань смотрел на его уходящую спину — и вдруг вспомнил, как множество раз раньше Цзянь Нань говорил ему:

«Ты поменьше пей, ладно?»

«Не забудь поесть, хорошо?»

«Ты хоть немного о своём здоровье думать можешь?»

Великий кинозвёздный титан вернулся с террасы на шумный фуршет, всё ещё в лёгком оцепенении. Здесь, конечно, уже не было и следа Цзянь Наня.

Мимо прошёл официант с подносом, уставленным бокалами:

— Господин Ли, что пожелаете?

Ли Чуань бросил на бокалы пустой взгляд и глухо ответил:

— Ничего.

Он ведь действительно развёлся. Многолетний груз снят, надоедливый хвост наконец-то исчез.

Только радость... так и не пришла.

Странно: ненавидеть, когда тебя контролируют. Любить, когда тебя ждут. Кричать о свободе — и всё же желать, чтобы именно он смотрел на тебя.

Через пару дней.

Цзянь Нань поднялся очень рано.

Он как раз возился на кухне, когда раздался звонок — Ли Чуань.

— У вас в жилом комплексе теперь ещё одна пропускная карта нужна?

— А? — Нань удивился. — Откуда ты знаешь?

— Я стою у ворот, меня не пускают, — недовольно сообщил Ли Чуань.

Цзянь Нань без тени совести рассмеялся:

— Ты чего так рано приехал? Мы же на девять договаривались, сейчас только семь.

— Только что закончил съёмку, решил заехать по пути, — голос Ли Чуаня был чуть хриплым, уставшим. — В ЗАГС всё равно ещё закрыто. Посижу у тебя.

Цзянь Нань подумал — в принципе, логично. Всё равно сегодня вместе ехать оформлять свидетельство о разводе.

Он сказал:

— Хорошо. Я сейчас подойду к воротам.

— Ладно.

Когда Цзянь Нань, слегка потрясываясь на утреннем ветре, вышел к проходной, он увидел знакомую машину, припаркованную прямо перед шлагбаумом. Рядом — охранник, стоящий так напряжённо, словно охранял сокровищницу.

Цзянь Нань снова непорядочно усмехнулся.

Охранник заметил его:

— Доброе утро!

Цзянь Нань кивнул и показал карту:

— Мы вместе. Это мой гость, я его проведу.

Охранник удостоверился, что карта сработала, и только тогда отступил. Затем чуть внимательнее посмотрел на Цзянь Наня и улыбнулся:

— Вы тот самый жилец, который тогда упал, верно? Как там ваша рука? Уже заживает?

Цзянь Нань даже не ожидал, что у него такая хорошая память. Усмехнулся:

— Уже почти прошло. Не думал, что вы так запомнили.

Охранник расправил плечи — видно, гордился собой:

— Конечно! Память у меня отличная. Вы же 19 января упали, на следующий день после того большого снегопада.

«...»

Ну, настолько хорошей память и не обязана быть.

Цзянь Нань только рассмеялся:

— Да, всё верно. Спасибо, что поинтересовались.

Охранник отдал ему почти строевое приветствие.

Цзянь Нань обошёл охранника и сел на пассажирское сиденье. Пока пристёгивал ремень, сказал:

— Всё, можно въезжать.

Сегодня Ли Чуань был одет слишком официально — видно, прямо с мероприятия приехал. Костюм, безупречный вид, сдержанная элегантность. Посторонний человек ни за что бы не подумал, что они едут разводиться; скорее — что забирать свидетельство о браке.

И вдруг Цзянь Наню вспомнилось: в день, когда они расписывались, всё было точно так же. Ли Чуань только что закончил работу... и просто по пути забрал его, чтобы «заодно оформить документ».

— Тебе тяжело? — спросил он тихо.

Ли Чуань не ответил. Вместо этого, будто раздумав, спросил совсем о другом — с тяжёлой хрипотцой:

— Рука... Ты упал тогда утром, когда нес мне кошелёк?

— А? — Цзянь Нань на секунду задумался, потом понял и мягко улыбнулся: — Наверное, потому что бежал слишком быстро. Я тогда думал: упасть — ладно. А вот если я упаду и ещё не успею тебя догнать — вот это было бы обидно.

В машине на миг повисла глухая тишина.

Ли Чуань посмотрел на него:

— Почему не сказал?

Цзянь Нань не ожидал от него такой серьёзности.

— Это пустяки. Раз упал — и всё. На самом деле почти не болело.

По сравнению с тем, как мне болело от тебя — разве это травма.

— И потом... — он замолчал на секунду, а улыбка постепенно истаяла, стала почти горькой: — Человек должен хотя бы пару раз больно упасть, чтобы понять, что ошибся.

Ли Чуань не нашёл, что ответить.

Он ведь всегда хотел, чтобы Цзянь Нань стал чуть взрослее. Не таким наивным, не таким слепым.

Но когда этот день наконец наступил — внутри, наоборот, стало как-то мутно.

Машина остановилась в гараже. Оба вышли.

В доме ещё стояла недоделанная утренняя трапеза. Цзянь Нань торопливо вернулся на кухню:

— Я вообще-то готовил на одного. Но раз ты пришёл — будешь?

На этот раз Ли Чуань не стал отказываться:

— Буду. Сделай побольше.

Цзянь Нань усмехнулся — он и сам понимал, как тот устал после съёмок:

— Хорошо. Я тебе ещё яйцо добавлю.

— Спасибо.

Вскоре по дому разносился лишь гул огня плиты да мягкое бульканье кипящей воды. Цзянь Нань ловко орудовал на кухне — то проверял кастрюлю, то, пока было свободное мгновение, потыкал в игру на планшете.

Ли Чуань, опершись на стену, спросил:

— Во что играешь?

— Miracle Nikki. — Цзянь Нань уже потратил дневную выносливость и покрутил все бесплатные гачи. — Там две сюжетные линии. Если играешь за мальчика — это ветка Лин-Лин, история о юном парне, который гонится за мечтой о моде и путешествует по миру. А у девочек — Нуан-Нуан, спасение континента.

Ли Чуань нахмурился:

— То есть это... переодевалки?

Цзянь Нань сразу кинулся защищать игру:

— Ты по обложке не суди. Да, она выглядит как обычная игра про переодевалки, но! Её признали игрой номер один, которую должен попробовать каждый настоящий мужик.

«...»

Ли Чуань после длинной паузы выдал:

— Впечатляет.

Цзянь Нань не стал с ним препираться, разложил лапшу по тарелкам и объявил:

— Кушать!

Ли Чуань прошёл на кухню за приборами. Они сели за стол, и всё время, пока ели, Цзянь Нань был полностью погружён в своего Лин-Лина, совершенно не обращая внимания на великого киноимператора.

Вдруг...

Цзянь Нань поднял голову.

Глаза Ли Чуаня тут же вспыхнули — он решил, что тот наконец-то заговорит с ним. Но Цзянь Нань хлопнул в ладоши:

— Я сейчас пойду чёрного лебедя синтезировать!

«.....»

Ты вообще помнишь, что мы сегодня разводиться идём?

У киноимператора внутри всё съёжилось: и обида, и тоска скопом.

Наконец, с едой было покончено. Цзянь Нань посмотрел на время:

— Почти восемь. Соберёмся — и к девяти как раз будем в ЗАГСе. Может, ещё и успеем, пока людей мало.

Ли Чуань тихо произнёс:

— Угу.

Цзянь Нань сложил посуду в посудомойку. Когда вернулся, увидел, что Ли Чуань сидит на диване — и вид у него, мягко говоря, нездоровый.

— Ты в порядке? — нерешительно спросил он.

Ли Чуань чуть сгорбился, лицо бледное, как бумага, весь вид — как будто еле держится.

У Цзянь Наня сердце заколотилось. Он поспешил к нему, присел перед ним на корточки:

— Тебе плохо? Что болит?

— Всё нормально, — тихо ответил Ли Чуань, опустив голову. Ледяные, обычно резкие черты лица казались осыпавшимися, побелевшими. — Видимо, ночь без сна... Тяжеловато. Отдохну — пройдёт.

Цзянь Нань видел: ему действительно хреново. Кивнул:

— Тогда посиди, я быстро переоденусь.

Ты всё равно собираешься переодеваться?

У тебя сердце есть вообще?

Ли Чуань чуть кивнул — до невозможности понимающе — и даже попытался успокоить его:

— Всё хорошо. Это мои старые болячки. Не обращай внимания, иди.

Цзянь Нань выдохнул, наконец успокаиваясь.

Поднимаясь наверх, он снова вспомнил о проблемах со здоровьем Ли Чуаня. Тот действительно ни капли себя не жалел: ночи напролёт без сна, бесконечные мероприятия, алкоголь на пустой желудок... Всё, что нельзя — он обязательно сделает. Скажешь — ворчит, промолчишь — саморазрушение.

Переодевшись, Цзянь Нань спустился. Ли Чуань всё так же сидел на диване, выглядел ещё более измученным, чем раньше — прямо тревогу нагонял.

— Тебе лучше? — мягко спросил Цзянь Нань, подходя ближе.

Ли Чуань едва слышно откликнулся, и по голосу было ясно: лучше не стало.

Сердце Цзянь Наня сжалось. Раньше Ли Чуань даже в худшем состоянии ни звука не подавал — а раз теперь так, значит, действительно совсем плохо.

— Так плохо... — прошептал он, терзаемый беспокойством. — Так нельзя. Давай я отвезу тебя в больницу? Вдруг что-то серьёзное...

Ли Чуань дёрнулся, будто его ударили током. В больницу? Да ни за что. Он хрипло произнёс:

— Не надо. Я... я отдохну — и всё. Просто... сорвал поход в ЗАГС. Ты же... не злишься?..